

Хозяйственный порядок в Британии в XVIII – начале XX вв. О причинах кризиса капитализма «Нулевая депрессия»

Г. Г. Попов

Московский технологический институт
119334, Москва, Ленинский проспект, 38а
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению институционально-идеологических причин кризисов рыночного хозяйства. Автор обращается к анализу данных по экономическому развитию Британии в XVIII – нач. XX вв. Выдвинут тезис, что Великая депрессия имеет те же корни, что и спад в капиталистической экономике последней четверти XIX в. — непропорциональное распределение доходов между наемными работниками и предпринимателями.

Ключевые слова: Великая депрессия, капитализм, классическая политическая экономия, промышленный переворот, институциональная экономика.

1. Введение

В современной науке и политике обострились кризис и дискуссия в аспекте противостояния двух систем взглядов на развитие общества — неоконсервативного и социал-либерального, что обусловлено минувшим глобальным финансовым кризисом и его последствиями¹. Главные вопросы, вокруг которых идут споры, столь же древние, как и разумная жизнь человечества, кто и сколько должен отдавать средств на общественные нужды, и кто, сколько и почему должен получать средств на жизнь.

Не так давно вышла книга Дж. Стиглица и Линды Билмес «Война стоимостью в три триллиона долларов», посвященная расходам на войну в Ираке [16]. Получилось так, что США только на вторую иракскую кампанию потратили порядка 3 трл долларов, что на 20–25% больше, чем военные расходы США в течение всей Второй мировой войны, если сравнивать по паритету покупательной способности доллар того времени с долларом сегодняшним. Только в ходе второй иракской войны американской армии противостоял намного более слабый противник, нежели императорская Япония и нацистская Германия.

¹ На тему этой дискуссии см.: Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. — М : Культурная революция, 2014.

Расходы государства увеличились, по сравнению с началом XX века, в разы, при этом эффективность государственного аппарата не всегда росла в соответствии с увеличением расходов, а в случае с Россией можно говорить о кризисе государства как участника экономических отношений в обществе, если обратиться к опыту прошлого века.

Проблема заключается не только в переоценке роли государства, но и в сущности самой индустриальной цивилизации, которая, в отличие от аграрной цивилизации, опирается на сравнительно быстрый демографический рост и стремительную урбанизацию. Те страны, в которых демографический рост прекратился незадолго после Второй мировой войны, компенсируют дефицит населения приемом иммигрантов, таковы правила индустриальной рыночной экономики, что подметил еще К. Поланьи, рост прибыли и постоянное восполнение убыли пролетариата есть столпы капитализма.

Мы говорим индустриальная экономика, характеризуя современную экономическую систему Запада, так как не принимаем теорию постиндустриализма, которая, по нашему мнению, просто отражает особенности распределения национального дохода в развитых странах. Никакой экономики без промышленности и сельского хозяйства быть не может.

Для обеспечения постоянной урбанизации, которая характеризуется как ростом мегаполисов, так и частой сменой центров своего роста, необходимо жилье, вещь достаточно дорогостоящая в условиях нашей современности. Во-вторых, в экономике должен иметь место непрерывающийся в длительном периоде (более 3 лет) рост доходов населения, а не только его отдельных малочисленных сегментов, пусть процент его будет небольшим, но в масштабах крупных государственных комплексов его денежное выражение должно быть внушительным. Рост доходов обеспечивает увеличение спроса населения, что снижает риски банкротства производителей благ, если исходить из равновесия Курно, позволяя им наращивать производство либо поддерживать его хотя бы на уже достигнутом уровне. В-третьих, производство должно быть достаточно интернационализировано, поскольку, как показал опыт еще меркантилистских государств, выигрывает та экономика, которая наиболее открыта для внешнего обмена товарами и факторами производства.

Как показал опыт развития капитализма, чисто рыночные механизмы не в состоянии решить все три задачи индустриальной цивилизации. Можно лишь найти оптимальные пропорции между рынком и административным вмешательством. Но исторический опыт указывает, что общество не всегда может это сделать, поскольку для решения уже этой четвертой, скажем, сверхзадачи, необходимо построение институциональных матриц, поддерживающих баланс интересов в обществе.

В середине XIX века Карл Маркс предсказал кризис капитализма в обозримом из его времени будущем. Вера в кризис и «загнивание» капитализма жила в СССР и всем Восточном блоке десятилетиями, значительные усилия пропаганды, которой служила и социалистическая политэкономия, были направлены на внушение массам идеи скорого конца капиталистической системы. Однако проникновение через

«железный занавес» западной культуры и информации об истинном положении дел на Западе говорили об обратном.

В 1990-х годах либеральные реформаторы увлеклись другой идеологией — рыночным фундаментализмом. Если бывшие союзники СССР по Восточному блоку брали на Западе новейшие институты, то гайдари-чубайсовская группировка настаивала на копировании старых западных институтов, внушая обществу, что это и есть истинно рыночные институты, да, но только никто не сказал тогда, что на Западе они умерли уже к 1950-м годам. Попытки отдельных ученых, как, например, Ю. Давыдов и Р. Капелюшникова объяснить, что не всякая модель рыночной экономики является передовой, а Запад в прошлом «набил себе шишки» на свободном рынке и т. д. и т. п., не встречали поддержки ни в правящих кругах, ни у далеких от данных теоретических проблем масс населения. Обществу, как и в 1917 году, навязали новую идеологию, в основе которой опять-таки лежали вульгарно понятые идеи А. Смита, который построил теоретическую модель экономики, в которой нет коллективных действий, а, значит, нет и политики [2, с. 40–42], чего, как он сам же признал, не может быть в реальной жизни.

Карл Маркс не был столь далек от истины, когда говорил, что капитализм идет к своему завершению. Только Маркс западную либеральную модель капитализма отнес к капитализму вообще, смешав при этом политику и экономику и отказав рабочим массам в коллективном действии, направленном на смягчение противоречий капиталистической системы. Маркс, в принципе, не отрицал существования капитализма в рамках корпораций Позднего Средневековья, считая, правда, что гильдии и цеха разлагались на этапе зарождения капитализма, что, конечно, справедливо. Но, если капиталистические отношения имели место когда-то в условиях слабой степени отчуждения пролетариата от средств производства, то почему данная ситуация не может повториться? Маркс, впрочем, отрицал такую вероятность.

В основе марксистского видения эволюции капитализма лежали идеи постоянного роста прибыли и стремления к этому владельцев капитала и конкуренции. Однако для капиталистической организации, как и для любой организации, важно выжить, если конкуренция мешает выживанию, то организации пойдут, вероятнее всего, на коллективное соглашение, ограничивающее конкуренцию, а также, возможно, рост стоимости факторов производства, главный из которых — труд.

Асимметрия в распределении доходов, которую К. Маркс выделил как последствие отчуждения труда от средств производства, явилась результатом, скорее всего, самой архитектуры западного общества эпохи расцвета либерализма — вторая половина XVII–XIX веков. Суть философии устройства западного либерального общества заключается в мнении голландского республиканца Де-Витта, который восхищался системой жесткого налогообложения наемных работников, которая делала последнего «покорным и задавленным трудом». Держать рабочего «в черном теле» предлагал У. Петти, который даже призывал превратить всех ирландцев в полурабов в Англии, т. е. учредить спартанскую илотию в Британии XVII века.

Заработная плата на Западе с XVII в. постепенно жестко привязывалась к стоимости хлебного пайка, что укладывалось в экономические представления либера-

лизма того времени о справедливой зарплате. Труд рассматривался как гомогенная категория, сведенная к элементарному объему затраченного на производство времени. О необходимости стимулирования роста квалификации и улучшения условий труда с целью повышения его производительности задумались на Западе только в конце XIX века, инициатива в этом начинании исходила с одной стороны от социалистов, а с другой — от государственных чиновников. Работодатель на Западе мало заботился о благосостоянии работника, что было продиктовано либеральной философией того времени.

Карл Маркс сильно ошибался, когда думал, что фирмы будут обязательно конкурировать, господство олигопольной модели капиталистического хозяйства в длительном периоде не принималось им во внимание. Но капиталист, повторимся, стремится в первую очередь выжить и повысить личное потребление либо удержать его на определенном уровне. С этой целью капиталист будет вступать в соглашения с другими капиталистами.

Другой важный аспект, какой не рассмотрел Маркс, была асимметрия информации на рынке труда, которая создавала эффект привычки в определении заработной платы.

Несмотря на все нюансы, какие не учел К. Маркс при анализе динамики современного ему либерального капитализма, в целом марксистское видение судьбы капитализма оказалось не столь далеким от истины, однако прогноз Маркса не оправдался, свою роль сыграла политика на мир-системном уровне. Маркс не учел такого важного игрока капиталистического мира — государство с его чиновничеством, и это был крупнейший капиталист.

Великая депрессия, или Вторая депрессия капитализма, была порождена активной ролью государства в экономике. Первая Депрессия, охватившая Запад между 1874 и 1914 годами, имела затяжной и намного менее болезненный в то же время характер в силу того, что государственные расходы редко превышали 15% от ВВП. Как доказывал Мюррей Ротбарт, экономика США имела больше шансов на быстрое восстановление после кризиса октября 1929 года, нежели как имело место быть, если бы не дешевый государственный кредит [4]. Однако едва ли удалось бы избежать вмешательства центральной власти в американском случае, поскольку механизмы экономической системы с ее могущественными центральными банками и госкорпорациями уже были созданы и задавали пропорции в развитии экономик Запада.

2. Кризисные тенденции в развитии капитализма

Первое, что обращает на себя внимание при анализе капиталистической системы в конце XIX–нач. XX века — это ценовая ситуация на рынках мировых экономических лидеров — Британии и США.

Как приводится у Симона Литмана, потребительские цены в Англии не росли с 1912 года вплоть до начала войны. Кроме того, индекс потребительских цен в метрополии весной 1914 г. был 85% от уровня 1867–77 годов, когда в Объединенном

королевстве был достигнут пик роста цен. Как отмечает, Литман, 1912–начало 1914 годов было еще не самым плохим, так как средний уровень цен в Англии в этот период был на 10% выше, чем в среднем за декаду с 1904 по 1915 год. Грубо говоря, в начале XX века цены «провалились» примерно до 70% от уровня зенита викторианской эпохи [14, р. 8].

Падения общего уровня цен стало во многом следствием «Нулевой депрессии XIX века» в 1873–1896 годах, когда цены и ставки процента так сильно упали, что это, по оценкам современников, привело экономику Британии к сильному откату назад. Впоследствии были высказаны оптимистические мнения, что депрессия стала началом нового цикла в развитии экономики и никакого серьезного спада в производстве не было. Тем не менее, удар «депрессии» викторианской эпохи пришелся в основном на Англию. Ситуация 1929–1934 годов в мире не имела места в конце XIX века во многом в силу того, что кризис в Западной Европе совпал с модернизацией экономик в странах периферийного капитализма, в первую очередь это касается Латинской Америки, России и Японии. На другом берегу Атлантики, в США, тоже произошли события, смягчившие английскую депрессию, гражданская война 1861–1865 годов, спровоцировавшая инфляционный экономический рост в Северной Америке. Освобождение Юга от рабовладельцев облегчило приток инвестиций и рабочей силы в наиболее продуктивные регионы США.

Обращает на себя внимание также и такой факт, как замедление темпов прироста британского ВВП на душу населения в период с 1870 по 1913 год, по сравнению с периодом с 1820 по 1870 годы, когда в других странах Европы ситуация была несколько иной (рис. 1).

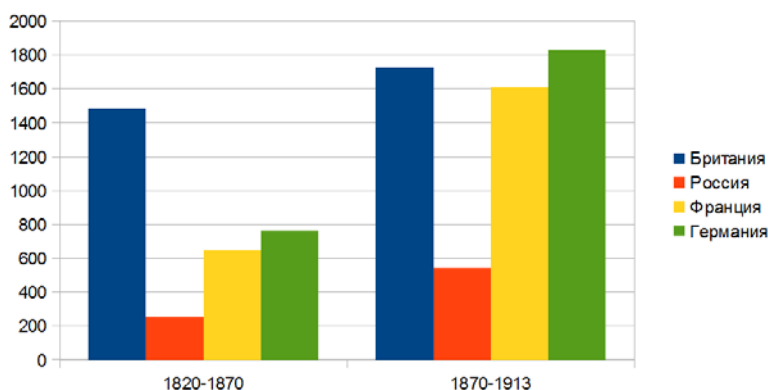

Рисунок 1. Прирост ВВП на душу населения по ряду стран Европы
(доллары США в ценах 1990 г.)

Из данных, приведенных в рис. 1, мы видим более высокую динамику роста экономик континентальной Европы в период с 1870 по 1913 год, и это — в условиях войн и революционных потрясений. Надо также учесть, что рост британской

экономики в XIX веке был обеспечен высокими темпами освоения железнодорожного строительства.

К 1907 году исследователи обнаружили такую тенденцию, как снижение продуктивности труда в Британии, по сравнению с Германией, правда, разрыв в целом по промышленности не был столь значительным. Тем не менее немцы опережали по эффективности применяемого труда в новых отраслях и металлургии, что особенно примечательно, так как Англия держала в этой сфере первенство на протяжении почти всего XIX века.

«Английская болезнь» имела давние корни, начавшись еще на заре викторианской эпохи и начав прогрессировать за 20 лет до начала Первой мировой войны. Суть ее заключалась в следующем: сделав ставку на рост производства за счет элементарного увеличения трудозатрат, Англия достаточно быстро столкнулась с проблемой обеспечения такого роста сырьем и продовольствием. Длительное время выручали колонии, однако издержки по обеспечению контроля над ними ложились на все общество. Кроме того, после Наполеоновских войн уровень жизни в колониях стал неуклонно отрываться в сторону ухудшения от Британии. Контраст в уровне жизни наблюдался даже между Ирландией и непосредственно Англией, да и внутри Англии существовали межрегиональные различия. Все это неуклонно вело к тому, что спрос на английскую продукцию не рос в необходимом объеме даже внутри империи.

Рост объемов торговли между США и Англией после окончания войны Североамериканских колоний за независимость значительно возрос по сравнению с колониальным периодом. Это говорит в пользу того, что колонии не были эффективным средством решения проблемы дефицита сырья и продовольствия.

Мы не согласны с мнением Дж. Арриги, что дефляция в британской экономике стала результатом длительного мира, который установился на почти столетие после разгрома Наполеона под Ватерлоу [1] (сам факт долгого мира не наблюдается, если вспомнить, сколько Британская империя воевала после разгрома Франции в 1813–1815 годах). Замедление роста экономики Британской империи было спровоцировано системой распределения доходов в британском обществе. Рецидивом англоамериканской модели экономики стала Великая депрессия 1929–1934 годов, которая протекала тяжелее, чем кризисы XIX века, из-за излишней интервенции государства.

Чистый экспорт Британии неуклонно уменьшался с 1720 года, резко возрос, приобретя положительное значение в 1816 году, а потом снова покатился вниз примерно с 1820 года, когда общий объем выпуска товаров и услуг достиг примерно 315 млн фунтов стерлингов (рис. 2).

В 1900 году чистый внешний долг Англии составил почти 2,4 млрд фунтов при общем объеме выпуска товаров и услуг в национальной экономике почти 1,6 млрд фунтов стерлингов [7, р. 75]. По мнению некоторых исследователей, Промышленная революция в Англии финансировалась в значительной степени иностранными инвестициями. Четверть всего национального долга Британии имела голландское происхождение вплоть до начала XIX века. После оккупации Нидерландов армией

Наполеона Англия превратилась сама в крупнейшего мирового кредитора, что отразилось потом на ее экономическом развитии на протяжении всего XIX века. Однако рост экспорта капитала пришелся в основном на 1880–1890 годы, не превышая до 1870 года 50 млн. фунтов в год, что меньше, чем заимствования Британии до Наполеоновских войн. В 1770 году общая задолженность Объединенного королевства, исключая коммерческую задолженность, составила 100 млн фунтов.

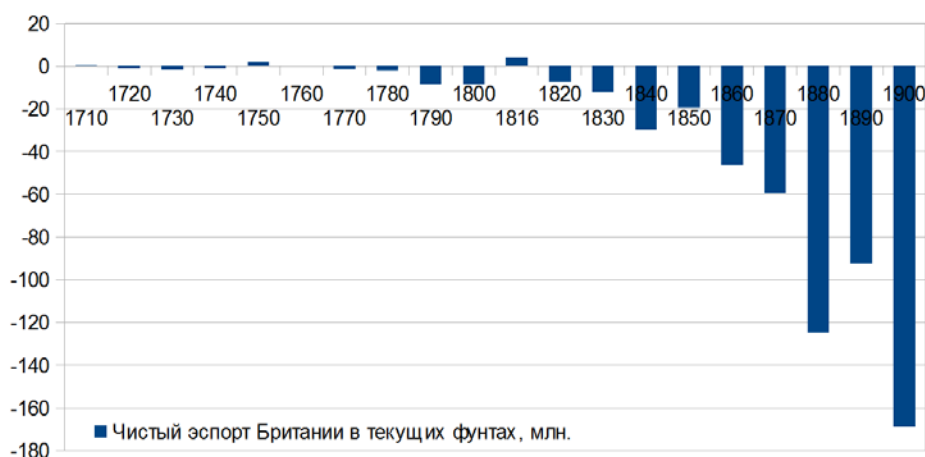

Рисунок 2. Чистый экспорт товаров. Составлено по [7]

Отрицательное значение сальдо торговли товарами и услугами Англии был бы еще выше, если бы не Навигационный акт, который на столетия закрепил за Британией первенство в торговле внутри ее империи, 70% всех отгрузок в британских портах осуществлялось с английских судов. Перевозки британских товаров из других стран английскими же судами включались в торговое сальдо (фактически это были издержки внешней торговли империи, ложившиеся в итоге на плечи покупателей). Имея отрицательное сальдо внешней торговли, Британия при этом превратилась в кредитора.

Английский капитал за рубежом составлял в начале XX века примерно 2,5 млрд ф. ст., что почти эквивалентно накопленному Британией в 1900 году внешнему долгу. Англичане инвестировали капитал не только в промышленность других стран, но, как показывает опыт России, и в сельское хозяйство. Тем не менее финансовые ресурсы и усилия предпринимателей отвлекались из Англии в другие страны, что усиливало только «английскую болезнь».

Дешевый труд, наличие которого было во многом спровоцировано искусственным разорением государством английской деревни, вел к консервации старых форм организации бизнеса, у британских предпринимателей не было стимулов к совершенствованию организации производства и повышению квалификации.

То, что британские предприниматели до XX века старались нанимать больше несовершеннолетних и женщин, нежели взрослых мужчин, было продиктовано не

более высокой хозяйственной эффективностью женского и детского труда, а элементарным управленческим невежеством, базировавшимся на традиционном представлении, что с женщинами и детьми меньше хлопот, и им можно меньше платить. Этому есть свидетельства. Например, после забастовки мужчин-ткачей в Манчестере 1829 года в этом городе работодатели стали активнее нанимать женщин на ранее занимавшиеся мужчинами позиции. Манчестерские мужчины тогда так обиделись, что не стали брать женщин в рабочие ассоциации, так как женщины были в Англии всегда менее активны в коллективных действиях [15, р. 32].

Однако низкая зарплата как фактор предпочтения женской занятости в Англии первой трети XIX в. является скорее всего заблуждением современников и последующих исследователей. По ряду специальностей в результате исследования истории труда в отдельных регионах Англии было выявлено, что зарплаты женщин были выше, чем у занятых в сельском хозяйстве мужчин. Причем, разрыв наблюдался иногда более 20% [15, р. 37]. Грубо говоря, если из села в город приходил наниматься мужчина, его могли взять на работу с меньшей вероятностью, нежели женщину, и ему ничего не оставалось как трудиться в поле за низкий заработок.

Но в некоторых регионах Англии, напротив, разрыв был в пользу мужчин, занятых в сельском хозяйстве, хотя доля женщин в аграрном секторе неуклонно увеличивалась, начиная с эпохи Войны за Испанское наследство. К 1800 году доля наемных работников-мужчин в аграрном секторе сократилась с приблизительно 61,2 до 32,6% [6, р. 30].

Мотив более широкого найма женщин и детей заключался также в особенностях технологий в текстильной промышленности, которая требовала ловкости и гибкости, нежели силы. Хотя, на наш взгляд, это едва ли было главным фактором во всех случаях найма, поскольку увеличение доли добавленной стоимости хлопкопрядения в общей добавленной стоимости английской промышленности несколько не изменило пропорции применения женского и мужского труда, то же самое можно сказать и о сдавшей свои позиции к 1830 году шерстяной отрасли [6, р. 33]. Никаких изменений в пропорциях найма мужчин и женщин не наблюдается в практически не развивавшемся прядении льна. Если бы женский труд был в среднем намного дешевле мужского труда, то в отраслях, переживавших спад, предпочтение отдавалось, конечно же, женщинам. К тому же, изменение структуры найма в сельском хозяйстве в пользу применения женского труда показывает, что женский труд все-таки оставался предпочтителен не только в силу технологических причин.

Другой важной особенностью структуры занятости в английской легкой промышленности был разрыв в пропорциях мужчин и женщин по возрастам. В возрасте 10–19 лет соотношение мужчин и женщин было одинаковым, в возрастной группе 20–39 небольшой перевес был в пользу женщин, в группе после 40 лет перевес был явно в пользу мужчин.

Тем не менее, надежды британских работодателей, что женщины будут более сговорчивы, в целом не оправдались. В 1842 году вспыхнул бунт манчестерских ткачей, в котором активное участие принимали женщины. Во время тех же манче-

сктерских выступлений мужчины выступили с требованием прекратить дискриминацию женщин в оплате труда. Во время Престонских выступлений 1853–54 годов женщины также принимали активное участие в протестах. В крупнейших за историю викторианской эпохи забастовках 1858–1861 годов ситуация повторилась, причем, женщины уже в массовом порядке принимались в рабочие ассоциации. В 1847 году власти были вынуждены пойти на сокращение рабочего дня женщин до 10 часов.

С законом о десятичасовом рабочем дне имело место интересное наблюдение, сделанное общественными активистами, за 10-часовой рабочий день горой стояли высоко- и средне-оплачиваемые специальности, зарабатывавшие от 19 до 35 шиллингов в неделю. Соответственно, 19 шиллингов было неким порогом, за которым увеличение трудовых усилий имело незначительный смысл либо таковой вовсе отсутствовал. Примечательно и то, что низкооплачиваемые работники редко составляли более 30% от всего коллектива. Как правило, это были люди, не осознававшие своего тяжелого социального положения и до конца не понимавшие последствий переработок на производстве. Очевидно, в 1800–1820 годах таких работников в Англии было больше, на чем и держался «дикий капитализм». Как только рабочие стали осознавать свои социальные издержки, связанные с переработкой и большими трудовыми усилиями в целом, отношения труда и капитала стали кардинальным образом меняться.

Мы видим, что 10-часовой рабочий день для женщин и ограничение применения детского труда несколько не снизили темпы экономического роста Англии. Изменения происходят после 1870 года, когда основные законы, регулировавшие рынок труда в Британии, были уже приняты и всюду действовали. Принятие законов, ограничивавших эксплуатацию рабочих и повышавших их заработную плату, принимались в Англии с некоторым запозданием. Кроме того, в промышленности продолжали действовать так называемые работные дома, которые действовали на рынок труда в сторону уменьшения заработной платы. В случае с неквалифицированной рабочей силой работодатели использовали Акт о 10-часовом рабочем дне для снижения оплаты труда, что не могло не сказаться на покупательной способности населения.

Практически до 1830-х годов Англия не встречала на континенте сильную конкуренцию. Французская промышленность только проходила в 1820–1840 годах стадию своей промышленной революции, в Германии наблюдались только ее начала. До 1870-х годов французские фирмы с их преимущественно полукустарным и кустарным производством едва ли могли серьезно конкурировать с Англией. То же самое можно сказать и о немецком бизнесе. Однако вторая промышленная революция 1870–90 годов сильно ослабила позиции Англии в Европе и мире. У власти в континентальной Европе стояли уже не феодальные дряхлые правительства, а бюрократические и тесно связанные с национальным частным бизнесом политические силы. Это и стимулировало рост промышленного производства на континенте, а, значит, и рост конкуренции английским товарам. Все это сопровождалось низким ростом покупательной способности населения в самой Англии и Британской импе-

рии в целом (рис. 3–7), что было спровоцировано пережитками «дикого капитализма».

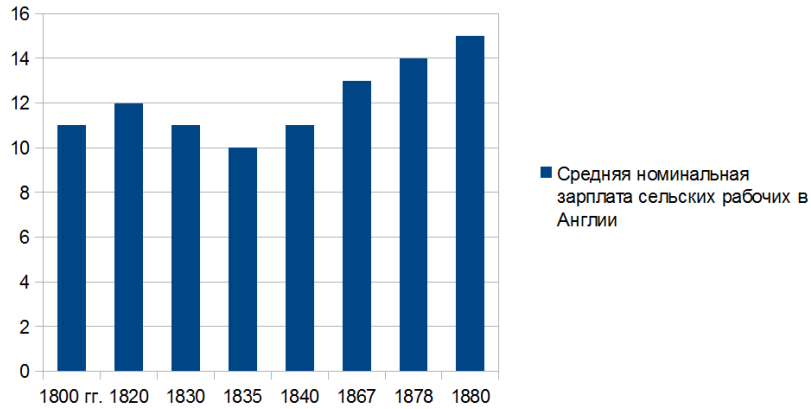

Рисунок 3. Динамика оплаты труда в сельской Англии, включая оплату труда в сельской промышленности, шиллингов в неделю. Составлено по [8, р. 38–39]

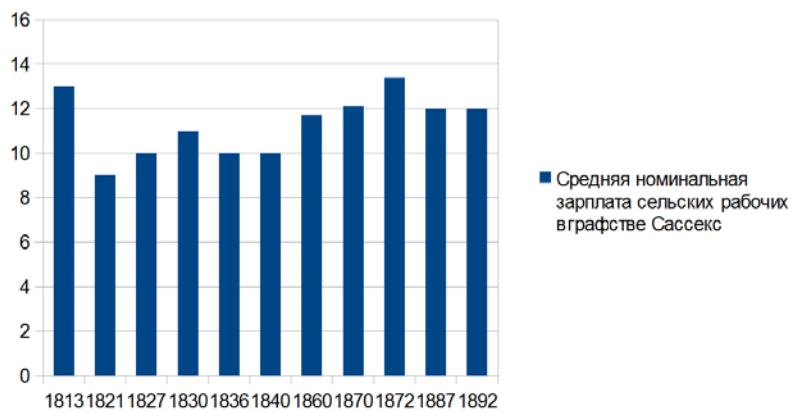

Рисунок 4. Динамика оплаты труда сельских рабочих в графстве Сассекс. Составлено по [8, р. 40]

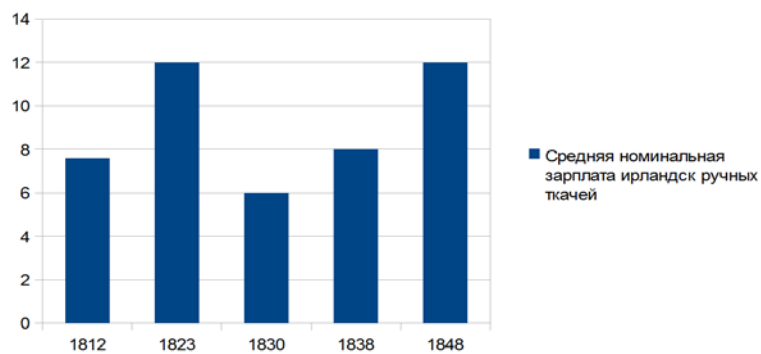

Рисунок 5. Зарплата ткачей в Ирландии, шиллингов в неделю.
Составлено по [8, р. 53]

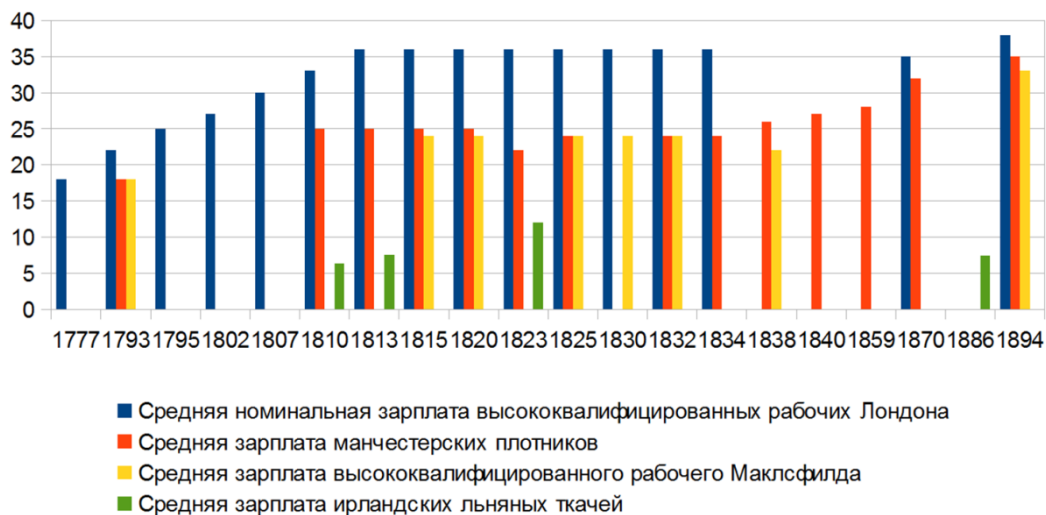

Рисунок 6. Средняя номинальная зарплата высококвалифицированных
и среднеквалифицированных рабочих по ряду городов и регионов
Британской империи, шиллингов в неделю. Составлено [8, р. 60]

Рисунок 7. Динамика ежегодной зарплаты (ф. ст.) в
Объединенном королевстве. Составлено по [8, р. 65]

Нам пока мало что говорят приведенные в рисунках выше данные. Очевидность такова, что динамика заработной платы в Британии XIX века была низкой. Рост благосостояния рабочих происходил в основном за счет снижения цен, однако этот эффект сильно снижался ростом безработицы в условиях дефляции. Для британской экономики в целом данное положение с доходами работающего населения, к нему английская статистика относилась и предпринимателей, могло означать одно — снижение объема сбережений, во всяком случае, в британской экономике не

было базиса для их роста, так как прирост общей суммы доходов работающих был незначительным, если судить хотя бы по периоду между 1866 и 1884 годами (рис. 7).

В Англии 1860-х годов значительная доля работников относилась к разряду сельских рабочих и неквалифицированной рабочей силы (рис. 9).

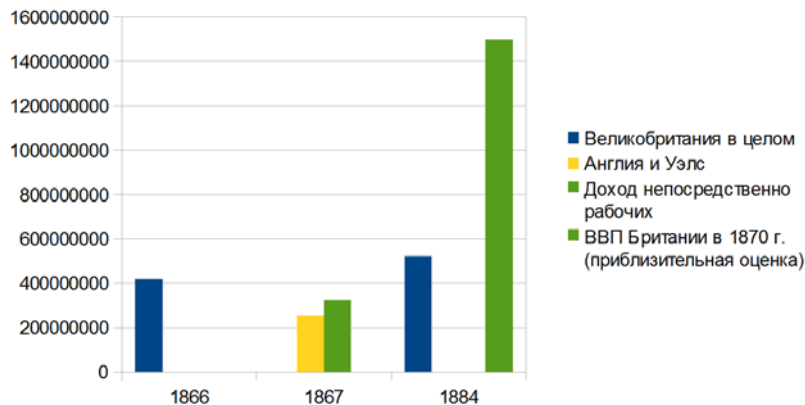

Рисунок 8. Общий объем доходов работающего населения, ф. ст. в текущих ценах [8, р. 65]

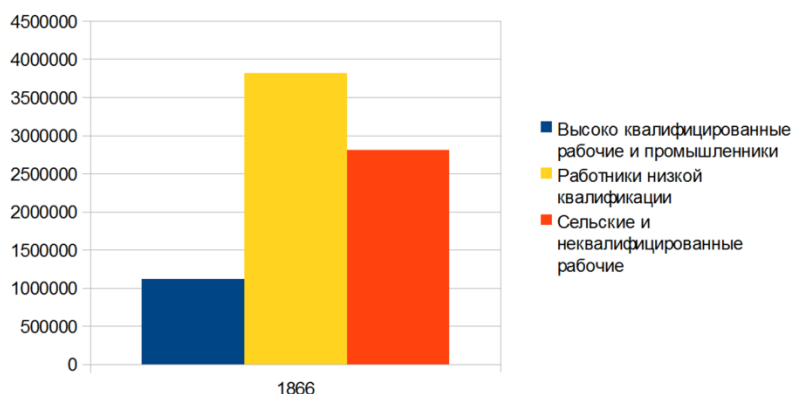

Рисунок 9. Структура занятости (млн чел.) в Англии и Уэльсе по данным 1866 г. Составлено по [8, р. 65]

В Англии в 1803 году высококвалифицированный рабочий, к таковым в первую очередь относили мастеров, зарабатывал в год 55 фунтов, в 1866–50. Это означало снижение мотивации у среднего класса, а также его доходов, с которых в индустриальных экономиках в основном и делались сбережения. К тому же, внутри среднего класса наблюдалась дифференциация в доходах в зависимости от территории и профессии. Все население Англии и Уэльса тогда насчитывало около 23 млн человек. Учитывая, что работоспособное население тогда составляло в За-

падной Европе 50–60%, в Англии в 1866 году около 2/3 работоспособных жителей трудились по найму либо являлись мелкими предпринимателями.

Таким образом, по нашим оценкам, 27–33% ВВП Объединенного Королевства составляла оплата труда и доход мелких предпринимателей. Для практически всего послевоенного периода в Великобритании и США этот показатель не превышал 50%.

Но еще большей проблемой была низкая покупательная способность населения, как определил Боулри, по ряду специальностей зарплата в Британии практически не росла с конца 1840-х годов вплоть до 1891 года. Низкая оплата труда в деревне, в Ирландии она составляла в середине XIX века иногда 2 шиллинга в неделю, создавала ситуацию, когда городу было сложно сбыть продукцию в село, к тому же, часть городского пролетариата была вынуждена высылать деньги пожилым родителям в деревню, так как там отсутствовала система социального страхования и были низкие нормы сбережений у населения, в пожилом возрасте сельским жителям Британии часто просто не на что было существовать.

Куда уходили 67–73% ВВП Британии во второй половине XIX века, а точнее кому? В первую очередь нам надо, конечно, вспомнить о ренте. Низкий уровень цен на промышленную продукцию и частая дефляция повышали доходы землевладельцев и владельцев недвижимости в целом.

Незадолго после Первой мировой войны национальный доход Великобритании составлял 4060 млн ф. ст., из них чуть больше 2 млрд ф. ст. приходилось на оплату труда, 405 млн — на проценты государственных займов и 665 млн на процент от частных ценных бумаг и депозитов, а также ренту с недвижимости. Для конца XIX века последняя статья национального дохода должна была быть выше, ведь то было время высокой конъюнктуры рынков ценных бумаг. Государственные расходы после Первой мировой войны составляли в Британии 285 млн ф. ст., а прибыль фирм — только 685 млн ф. ст. [13, р. 7], и это в условиях благоприятной для Англии рыночной конъюнктуры.

В 1920-е годы английская промышленность хоть и переживала не лучшие времена, но все-таки ее положение было более благоприятным, нежели перед Первой мировой войной, когда прибыли бизнеса были не столь значительными. Исследование британского журнала «Экономист» показало, что средняя прибыль фирмы в Англии составляла в 1914 году 76 тыс. ф. ст. Однако в базовых отраслях промышленности после 1920 года начался кризис, отбросивший экономику страны по ряду пунктов в состояние 1911–13 годов.

Теперь подходим к другой причине «английской болезни», скорее всего, это и была первопричина — рента. Рента — это плата за имущество его владельцу. В Англии, как и везде, были два типа ренты — владельцы недвижимости и владельцы ценных бумаг, наиболее надежными из них были облигации государственного займа.

Чтобы понять особенности англо-американской модели экономики (США, как мы увидим ниже, не столь значительно отличаются от Англии в экономическом аспекте), надо вернуться в далекий 1066 год. Победа при Гастингсе ознаменовала

собой начало уникальной модели средневекового общества в Европе — английско-го, собственно, и название Англия стало приживаться на Британских островах с тех пор. Уникальность нового порядка в Британии, порядка норманнских завоевателей, заключалась в том, что земельный фонд и права на торговлю, особенно внешнюю, оказались сконцентрированы в руках узкого круга лиц, в основном это были те, чьи предки проявили верность Вильгельму Завоевателю.

Земли общинников и старой английской знати были распределены среди мало-численной прослойки ленд-лордов, а права на торговлю — среди буквально 150–200 дельцов из Лондона и близлежащей местности. Все остальное население Англии оказалось на положении рабов и полурабов, кроме нескольких тысяч семей свободных крестьян, вероятно, многие из последних были потомками викингов, т. е., тех же норманнов, только завоевывавших Британию ранее.

Крестьянская община Англии оказалась ослабленной, ремесленные цеха мало-численными и слабее сплоченными, нежели на континенте, купечество малочисленным и слишком сильно связанным с королевским домом. Как ни странно, но именно эти обстоятельства породили то, что впоследствии назовут капитализмом в Англии. Концентрация земли позволила накопить капиталы и быстро превратить сельское хозяйство из средства прокормления крестьянских масс и дворян в источник прибыли, т. е., в зону высокой рентабельности.

Тесная связь ленд-лордов и дельцов из сити с короной обеспечивала взаимоконтроль государства и бизнеса, что, в свою очередь, создало почву для поиска компромиссов, одним из которых стала Великая Хартия вольностей. Но, кроме того, в Англии сложилась традиция — государство финансирует свои расходы преимущественно с займов, так как получить деньги от Парламента не всегда было просто.

В эпоху Наполеоновских войн государственный долг стал важной составляющей британских финансов. Но и после Ватерлоу расходы империи росли, так как надо было держать в покорности почти половину человечества, что нельзя было сделать без достаточно дорогостоящего флота. Перед Первой мировой войной империя имела совокупный долг в размере около 650 млн. ф. ст.

Согласно имевшей место до Первой мировой войны традиции фиска, налоги в Англии падали в основном на потребление, т. е., были косвенными, это означало, что фактически по государственному долгу расплачивалось население, расплачивалось, конечно, перед ленд-лордами и дельцами из сити, последние часто не были ни англичанами, ни кельтами.

Естественно, простой ткач из Манчестера либо плотник из Дублина не имели финансовых возможностей играть на бирже и приобретать ценные бумаги, сбережения порой не могли делать даже банковские клерки. Обеднение крестьянства и превращение его в пролетариат были опять-таки запрограммированы в 1066 году, когда крестьянская община лишилась большей части своих прав, их, можно сказать, вообще не было.

Итак, архитектура британской экономики до Первой мировой войны представляла собой пирамиду, у основания которой была масса потомков обезземеленных

крестьян, заработки которых обеспечивали им только пропитание, средний класс не превышал по численности во всей Британии двух млн человек, и его экономическое положение было не намного лучше, чем у пролетариата. На вершине пирамиды стояли Ротшильды и еще несколько приближенных к правительству семей финансистов, ну, а между ними и средним классом были 250 тыс. рантье, чье совокупное богатство превышало ежегодный доход всей Британии.

Выше мы сказали, что доходы от ренты в Англии были внушительными даже после Первой мировой войны, и это спустя 40 лет после обвала цен на зерно. Сейчас нетрудно подсчитать, зная численность землевладельцев, примерные доходы от земельной ренты в Англии и Уэльсе до сельскохозяйственного кризиса 1880 годов. В начале 1830 годов в центре метрополии (Шотландия и Ирландия не имели прав выдвигать кандидатов на выборы в Парламент) проживали 435 тыс. человек, чьи рентные доходы превышали 2 ф. ст. в год, из них две трети были мелкими землевладельцами, и только 180 относились к разряду крупнейших в Англии.

Если судить по доходам известного борца с отменой Хлебного закона герцога Ричарда Тепла, то доходы крупного ленд-лорда в 1840 годы составляли около 70 тыс. ф. ст. в год [5, с. 259]. Но были еще средние и мелкие землевладельцы и владельцы других видов недвижимости, кто получал ренту. Как определить их денежные поступления?

Расходы на аренду жилья (90% всей недвижимости в городах принадлежало классу рантье) составляли у английского рабочего в среднем 8% его дохода [9, р. 39]. Грубо говоря, в 1884 г. только с рабочих семей домовладельцы получили порядка 45 млн. ф. ст. ренты, исходя из данных общих доходов рабочих и мелких предпринимателей (подавляющее большинство рабочих не имели собственных квартир). Однако рента платилась также за индустриальные площади и за элитное жилье. Надо сказать, для большинства домохозяйств на Западе до 1920 годов аренда и покупка квартир была столь существенной проблемой, что это препятствовало трудовым миграциям даже в рамках одного округа. Санитарные условия жилищ рабочих даже в США в годы Первой мировой войны были в значительном числе случаев ужасными, по признанию специальных федеральных чиновников, занимавшихся этим вопросом [11, р. 17–18].

Проблема дефицита жилья была характерна для Европы в то время. По оценкам немецкого статиста Швабе, богатые европейцы отдавали в среднем 10–15% своего дохода на оплаты жилищной аренды, а простые рабочие — до 25%. Д. Рикардо несколько ошибся, решив, что рента в первую очередь влияет на рост цен товаров первой необходимости, на самом деле рента в XIX веке переместилась из сельского хозяйства в сферу городской недвижимости.

67% всех расходов английского рабочего приходилось на продукты питания [9, р. 39]. Почти 349 млн ф. ст. рабочие Британии, получается, потратили на пропитание, немалая часть этой суммы пошла на оплату ренты землевладельцам, так как даже в 1908 году после всех кризисов английского поместья у лиц, непосредственно обрабатывавших землю, было в собственности 12% земельного фонда Объеди-

ненного королевства². В 1873 году 7000 тыс. английских дворян владели 80% всей земли в Британии. Магазины и склады тоже нередко располагались в арендованных у частных лиц помещениях.

Нам не так просто определить масштабы ренты в Британии конца XIX века и кануна Первой мировой войны. Если брать отмеченную для 1920 годов пропорцию прибыли и ренты и соотнести ее с начисленной за 1884 год общей суммой зарплаты, которая, конечно, могла стать иной к 1914 году, но едва ли намного, то мы можем приблизительно определить масштабы рентных поступлений в Англии до Первой мировой войны. Доходы по процентам с гос. займов, очевидно, возросли к концу Первой мировой войны в 10–12 раз, так как во столько же увеличился внутренний государственный долг. Поэтому до 1914 года выплаты по государственным займам едва ли превышали 50 млн ф. ст.

Как мы указали выше, ВВП Объединенного Королевства составили в 1870 году примерно 1,5–1,6 млрд ф. ст. При незначительном масштабе экономического роста Британия едва ли вышла к 1900 году на показатель в 2 млрд ф. ст. В 1913 году, по оценкам А. Медиссона, ВВП Британии равнялся 224,6 млн долларов в ценах 1990 года. В 1913 году доллар равнялся примерно 13,25 долларам конца XX века, в начале того же века ф. ст. стоил приблизительно 4,88 долларов. После простейших арифметических действий мы выходим на показатель ВВП Британии в 1913 году около 3,47 млрд ф. ст. в ценах того времени, из них около 0,6 млрд ф. ст. в среднем приходилось до Первой мировой войны на гос. расходы.

Между 1870 и 1913 годами, по Медиссону, ВВП Британии вырос почти в 2,2 раза, но основной прирост, как мы думаем, пришелся на период с 1899 по 1913 год, т. к. именно тогда в британской экономике стали широко применяться технические достижения Второй промышленной революции и государство увеличило расходы на оборону, в первую очередь, на строительство нового линейного флота. Кроме того, внесла свои коррективы англо-бурская война, в последний год этого конфликта Британская империя потратила почти 1,25 млрд ф. ст. [12, р. 602] на вооруженные силы, что эквивалентно почти 81 млрд долларов в ценах 1990 года.

Означает ли сказанное выше, что военные расходы, в первую очередь на ведение войны с бурами и строительство дредноутов, «разогнали» экономический рост Британии? В значительной степени это так, однако, на благосостоянии населения и прогрессе общества это сказалось минимальным образом. Первая мировая война показала, что в британской экономике были большие неиспользованные резервы. Тем не менее пример Британии начала XX века показателен, классический западный капитализм был в состоянии продемонстрировать экономический рост, когда в него вмешивалась рука государства, однако рост экономики без социальных реформ означал лишь обогащение узких сегментов общества. Капиталистическая система Британии столетиями работала на рост в первую очередь ренты.

Литература

²Who Does Own Britain Today? Land Ownership in the 1970s Labour Research, vol. 68, no. 4.

- [1] *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. — М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006.
- [2] *Попов Г. Г., Щеголевский В. А.* Республиканизм и формирование концепции экономической свободы // Journal of institutional studies [Журнал институциональных исследований]. 2014. Т. 6. № 2. С. 27–42.
- [3] *Редер М. У.* Альтернативные теории труда в доходе // В кн. : Рынки факторов производства. Серия «Вехи экономической мысли». Вып. 3. — СПб. : Экономическая школа, 2000.
- [4] *Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США. — Челябинск : Социум, 2005.
- [5] *Фергюсон Н.* Восхождение денег. — М. : Астрель, 2010.
- [6] *Berg M.* What Difference Did Women's Work Make to the Industrial Revolution? // History Workshop. 1993. No. 35. P. 22–44.
- [7] *Brezis E. S.* Foreign Capital Flows in the Century of Britain's Industrial Revolution: New Estimates, Controlled Conjectures // The Economic History Review, New Series. 1995. Vol. 48. No. 1. P. 46–76.
- [8] *Bowly A. L.* Wages in the United Kingdom in the Nineteenth century. — Cambridge : The university press, 1900.
- [9] *Clark G.* The condition of the working-class in England, 1209–2004 // Journal of Political Economy. 2005. Vol. 113. No. 6. P. 1307–1340. (<http://www.jstor.org/stable/10.1086/498123>)
- [10] *Federico G.* Not Guilty? Agriculture in the 1920s and the Great Depression // The Journal of Economic History. 2005. Vol. 65. No. 4. P. 949–976.
- [11] *Krivy L. P.* American organized labor and the first world war, 1917–1918: A history of labor problems and the development of a government war labor program. — New York : New York University, 1965.
- [12] *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. — London : Fontana, 1989.
- [13] *Laby T. H.* The Cause of the Economic Depression // Australian Quarterly. 2008. Vol. 80. No. 5. P. 6–10.
- [14] *Litman S.* Price and price control in Great Britain and United States during the World War. — New York : Oxford university press, 1920.
- [15] *Morgan C. E.* Women, Work and Consciousness in the Mid-Nineteenth-Century English Cotton Industry // Social History. 1992. Vol. 17. No. 1. P. 23–41.
- [16] *Stiglitz J. E., Bilmes L. J.* The three trillion dollar war. The true cost of the Iraq conflict. — London : Allen Lane and Penguin Books Ltd, 2008.

Автор:

Попов Григорий Германович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, Московский технологический институт

Economic Order in Britain During XVIII – early XX Centuries and the Case of the Crisis of Capitalism Named "Zero Depression"

Gregory G. Popov

Moscow technological institute
Leninskii prospect 38 a, Moscow, 119334,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Abstract. This article is devoted to consideration of the institutional and ideological reasons crises in the market economy. The author refers to the analysis of economic data Britain and to a lesser extent USA in XIX – early XX centuries. Thesis is offered, that the Great depression has the same roots with the decline of capitalist economy of last quarter of XIX century, it's the disproportionate distribution of income between employees and entrepreneurs.

Keywords: Great depression, capitalism, classical political economy, industrial revolution, institutional Economics

Reference

- [1] Arrigi D. (2006) Dolgij dvadcatyj vek. Dengi, vlast i istoki nashego vremeni. Moscow. Izd. dom «Territorija budushhego». (In rus.)
- [2] Popov G. G., Shhegolevskiy V. A. (2014) Respublikanizm i formirovanie koncepcii jekonomicheskoy svobody. *Journal of institutional studies*, 6(2), 27–42. (In rus.)
- [3] Reder M. U. (2000) Al'ternativnye teorii truda v dohode. In *Vehi jekonomicheskoy mysli. Rynki faktorov proizvodstva*. Vol. 3. (In rus.)
- [4] Rotbard M. (2005) Istorija denezhnogo obrashhenija i bankovskogo dela v USA. Cheljabinsk, Socium. (In rus.)
- [5] Fergjuson N. (2010) Voshozhdenie deneg. Moscow, Astrel. (In rus.)
- [6] Berg M. (1993) What Difference Did Women's Work Make to the Industrial Revolution? *History Workshop*, 35, 22–44.
- [7] Brezis E. S. (1995) Foreign Capital Flows in the Century of Britain's Industrial Revolution: New Estimates, Controlled Conjectures. *The Economic History Review, New Series*, 48(1), 46–76.
- [8] Bowlry A. L. (1900) Wages in the United Kingdom in the Ninetaanth century. Cambridge, The univercity press.
- [9] Clark G. The condition of the working-class in England, 1209–2004. *Journal of Political Economy*. 113(6), 1307–1340.
- [10] Federico G. (2005) Not Guilty? Agriculture in the 1920s and the Great Depression. *The Journal of Economic History*. 65(4), 949–976.

- [11] *Krivy L. P.* (1965) American organized labor and the first world war, 1917–1918: A history of labor problems and the development of a government war labor program. New York University.
- [12] *Kennedy P.* (1989) The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. London, Fontana.
- [13] *Laby T. H.* (2008) The Cause of the Economic Depression. *Australian Quarterly*, 80(5), 6–10.
- [14] *Litman S.* (1920) Price and price control in Great Britain and United States during the World War. New York, Oxford university press.
- [15] *Morgan C. E.* (1992) Women, Work and Consciousness in the Mid-Nineteenth-Century English Cotton Industry. *Social History*, 17(1), 23– 41.
- [16] *Stigliz J. E., Bilmes L. J.* (2008) The three trillion dollar war. The true cost of the Iraq conflict. London, Allen Lane and Penguin Books Ltd.